

* * *

Агент БюСаба должен начать свою деятельность с изучения лингвистических моделей и пределов актуальных действий (обычно добровольных), имеющих ценность в тех обществах, с которыми связана его текущая миссия. Агент должен искать и находить данные о тех функциональных отношениях, каковые образуются из универсальных закономерностей нашей общей вселенной и возникают из взаимозависимости сообществ. Такие взаимозависимости часто являются первыми жертвами иллюзий, порожденных словами. Общества, опирающиеся на невежество в отношении исходных взаимозависимостей, рано или поздно погружаются в застой и гниение. Надолго застывшие в развитии, такие общества погибают.

(Из руководства для агентов БюСаба)

Звали его Фурунео. Таково его имя. Да, Аличино Фурунео. Он еще раз напомнил себе об этом, въезжая в город, откуда собирался выйти на сеанс дальней связи. Неплохо было бы подготовить свое эго перед вызовом. Аличино было шестьдесят семь лет, и он помнил множество случаев, когда люди теряли представление о собственной

личности, впадая в смешливый транс во время сеанса связи между звездными системами. Этот фактор неопределенности в большей степени, нежели безумная стоимость и тошнотворное ощущение от контакта с тапризиотом-передатчиком, надежно ограничивал число сеансов межгалактической связи. Но делать было нечего, Фурунео понимал, что никому не может доверить разговор с Джорджем К. Макки, чрезвычайным агентом саботажа.

В том месте, на планете Сердечность звездной системы Сфич, где сейчас находился Фурунео, было восемь часов восемь минут утра.

— Кажется, это будет нелегко, — буркнул он в сторону исполнителей, ухитрившись при этом не обращаться к ним, — он прихватил их с собой на всякий случай, чтобы оградить себя от ненужного общения и нежелательных контактов.

Те даже не стали кивать, понимая, что никто не ждет от них ответа.

В воздухе до сих пор веяло ночной прохладой, которую нес к морю ветер с заснеженных вершин горы Билли. Они прибыли сюда, в город Раздельный, из горной крепости, где обосновался Фурунео, прибыли в простой машине, не стараясь скрыть или замаскировать свою принадлежность к Бюро Саботажа, но и не привлекая особого внимания. У многих сознающих были веские причины обижаться на Бюро.

Фурунео остановил машину за чертой пешеходной зоны города, а сам вместе с исполнителями, как самый заурядный обыватель, направился в город на своих двоих.

Прошло уже целых десять минут с тех пор, как они вошли в приемную этого дома. Здесь размещался центр селекции тапризиотов — один из двадцати существующих во всей вселенной. Это была большая честь для такой занюханной планеты, как Сердечность.

Помещение приемной не превышало пятнадцати метров в ширину и тридцати пяти в длину. Коричневые стены были покрыты множеством ямок, как будто вначале эти стены были сложены из мягкой глины, в которую кто-то долго, повинувшись своим случайным капризам, швырял маленький мячик. Справа от того места, где стояли Фурунео и его исполнители, находился высокий помост, протянувшийся на три четверти длины большей из стен. Многогранные вращающиеся светильники отбрасывали пятнистые тени на фасад помоста и на стоящего на нем тапризиота.

Тапризиоты обладали странным телом, похожим на распиленные вдоль, обгоревшие ели. Из стволов этих «елей» торчали похожие на обрубки конечности, а речевые отростки вибрировали даже тогда, когда их обладатели молчали. Стоящий на помосте экземпляр отбивал нервный ритм своим опорным обрубком.

Фурунео в третий раз за десять минут спросил:
— Это ты передатчик?

Ответа, как и в предыдущие два раза, не прозвучало.

Такие уж они, эти тапризиоты. Они не понимали, что значит злиться. Тем не менее, Фурунео дал волю своему раздражению. Чертовы тапризиоты!

Один из исполнителей за спиной Фурунео демонстративно откашлялся.

Будь проклята эта неторопливость! — подумал Фурунео.

Все Бюро стоит на ушах после экстренного сообщения о деле Эбниз. Дело это не терпело ни малейшего отлагательства — в этом Фурунео был на сто процентов уверен; и вызов, который он собирался сейчас сделать, мог стать первым настоящим прорывом. Возможно, это самый важный вызов, какой он когда-либо делал в своей жизни. Между прочим, он собирался связаться не с кем-нибудь, а с самим Макки.

Солнце, выглянувшее из-за вершины горы Билли, окутало Фурунео ореолом оранжевых лучей сквозь стеклянные двери.

— Похоже, мы тут долго проторчим с этими таппи, — негромко произнес один из исполнителей.

Фурунео коротко кивнул. За свои шестьдесят семь лет он освоил несколько степеней терпения, и это знание помогло ему подняться по служебной лестнице и занять, наконец, нынешнее положение планетарного агента Бюро. Оставалось только одно: спокойно ждать. Тапризиоты, по каким-то непонятным, ведомым только им причинам, никогда ничего не делали сразу. Им всегда требовалось время. Никакой другой *лавки*, где Фурунео мог бы купить требуемую ему услугу, просто не существовало в природе. Без тапризиота-передатчика невозможно осуществить связь между звездными системами в режиме реального времени.

Странно, но этот талант тапризиотов все сознающие использовали, совершенно не понимая, как

он работает. Правда, в прессе не было недостатка в сенсационных теориях относительно этого великого феномена, и одна из них могла оказаться правильной. Наверное, тапризиоты пользовались тем же способом, каким пан-спекки обменивались данными со своими генетическими копиями в колыбелях — то есть сами не понимая, что и как они при этом делают.

Сам Фурунео был на сто процентов уверен, что тапризиоты каким-то образом искривляют пространство — наверное, так же, как калібаны скручивают его в своих люках, позволяющих скользить по измерениям пространства. Если, конечно, калібаны делают именно это. Многие специалисты отвергали такую гипотезу, утверждая, что для подобных перемещений нужна энергия, производимая звездой изрядной величины.

Впрочем, что бы ни делали тапризиоты при установлении межгалактической связи, у человека для этого должна была нормально работать шишковидная железа, а у других сознающих — аналог железы.

Тапризиот на помосте принялся раскачиваться из стороны в сторону.

— Кажется, мы все же до него достучались, — обрадовался Фурунео.

Он подобрался и подавил недовольство. В конце концов, это же центр селекции тапризиотов. Ксенобиологи утверждают, что размножение тапризиотов целиком и полностью зависит от укрощения и приручения, но что они знают, эти ксенобиологи? Достаточно вспомнить, что они натворили, когда изучали со-разум пан-спекки.

— Путча-путча-путча, — заверещал тапризиот, дико вращая речевыми отростками.

— Что-то не так? — спросил один из исполнителей.

— Откуда я могу знать? — огрызнулся Фурунео. Он посмотрел на тапризиота и спросил: — Ты передатчик?

— Путча-путча-путча, — снова залопотал тапризиот. — Это замечание, которое я сейчас переведу на язык, понятный сознающим, происходящим с Соляной Земли. Я сказал следующее: «Я сомневаюсь в вашей искренности».

— Вы собираетесь доказывать свою искренность этому поганому обрубку? — поинтересовался исполнитель. — Сдается мне...

— Тебя никто не спрашивает, — оборвал его Фурунео. Любая агрессивная реплика тапризиота на самом деле могла быть сердечным приветствием. Неужели этот идиот не понимает таких простых вещей?

Фурунео отошел от исполнителей, пересек помещение и встал перед помостом.

— Я хочу связаться с чрезвычайным агентом саботажа Джорджем К. Макки, — сказал он. — Ваш робот-привратник распознал меня и принял мою расписку по кредиту. Ты передатчик?

— Где находится этот Джордж К. Макки? — спросил тапризиот.

— Если бы я это знал, то отправился бы к нему лично через люк, — ответил Фурунео. — Это очень важный вызов. Ты передатчик?

— Дата, время и место, — отчеканил тапризиот.

Фурунео вздохнул и расслабился. Оглянувшись, он посмотрел на исполнителей, знаком заставил

их занять позиции у двух дверей и подождал, когда они выполнят приказ. Нельзя, чтобы этот разговор подслушала хоть одна живая душа. Он снова обернулся к тапризиоту и выдал ему требуемые пространственные координаты.

— Ты будешь сидеть на полу, — сказал тапризиот.

— Спасибо бессмертным, — пробормотал Фурунео. Однажды другой такой тапризиот отвел его в дождь и непогоду на склон горы, заставил лечь на склон вниз головой и в таком положении осуществил межгалактическую связь. Кажется, у тапризиотов это называлось «очисткой погружения» — что бы это ни означало. Тогда Фурунео сообщил об инциденте руководству, в центр данных Бюро, где ему сказали, что когда-нибудь секрет тапризиотов будет разгадан. После того вызова он несколько недель провалялся с инфекцией верхних дыхательных путей.

Фурунео сел.

Черт, какой же холодный здесь пол!

Фурунео был рослым мужчиной под два метра. Весил он восемьдесят четыре стандартных килограмма. У него были черные волосы с проседью на висках. Фурунео отличался массивным толстым носом и широким ртом со странно выпрямленной нижней губой. Он изменил позу, чтобы снять нагрузку с левого бедра. Когда-то один возмущенный горожанин сломал ему ногу, узнав, что Фурунео работает на Бюро. Эта травма посрамила всех врачей, которые в один голос утверждали, что перелом не будет ни капли беспокоить, когда срастется.

— Закрой глаза, — велел тапризиот.

Фурунео повиновался, попытавшись устроиться еще удобнее на холодном и твердом полу, но отказался от этой попытки, осознав ее полную тщетность.

— Думай о контакте, — приказал тапризиот.

Фурунео подумал о Джордже К. Макки, явственно представив себе этого приземистого коротышку с ярко-рыжими всклокоченными волосами и выражением лица рассвирепевшей лягушки.

Контакт начался с навязчивого, прилипчивого и страшно надоедливого осознания. В своем воображении Фурунео превратился в красный поток, поющий под мелодичный звон струн серебряной лиры. Тело, казалось, отделилось от сознания. Сознание теперь парило над странным незнакомым ландшафтом. Бесконечный круг неба замыкался медленно вращающимся горизонтом. Он физически ощутил свое погружение в невыносимое межзвездное одиночество.

Десять миллионов чертей!

Эта мысль буквально взорвалась в мозгу Фурунео. Он не мог от нее уклониться. Он сразу ее узнал. Контактеры часто возмущались неожиданными вызовами. Тем не менее, отклонить его они не могли, независимо от того, чем они в этот момент занимались. Правда, они могли продемонстрировать вызывающему свое недовольство.

— *Вот всегда так! Всегда!*

Видимо, теперь Макки полностью пришел в сознание, шишковидная железа заработала в полную силу, приняв межзвездный вызов.

Фурунео спокойно переждал поток проклятий и ругательств. Когда он иссяк, Фурунео представился:

— Прошу прощения за неудобства, причиной которых я, вероятно, стал, но курьер, передавший экстренное сообщение, не смог сказать, где вы. Вы же понимаете, что я не стал бы вас вызывать, если бы дело можно было бы хоть ненадолго отложить.

Начало было стандартное.

— Откуда я могу знать, насколько важен ваш вызов? — ехидно поинтересовался Макки. — Кончайте пустую болтовню и переходите к делу!

Такой несдержанности Фурунео не ожидал, даже зная нрав Макки.

— Я оторвал вас от чего-то важного?

— У меня сегодня развод! Вы застали меня в телепортационном суде! — воскликнул Макки. — Вы можете себе представить, как тут все веселятся, глядя, как я что-то бормочу и хихикаю в смешливом трансe? Ближе к делу!

— Вчера ночью на берег близ города Раздельного на планете Сердечность вынесло пляжный мячик калобана, — сказал Фурунео. — После всех последних смертей и случаев сумасшествия, после экстренного сообщения из Бюро я решил незамедлительно связаться с вами. Ведь вы до сих пор отвечаете за это дело, не так ли?

— Это ваша манера шутить? — язвительно поинтересовался Макки.

«На смену бюрократии», — вспомнил Фурунео старую максиму Бюро. Он не произнес эту фра-

зу вслух, но Макки отчетливо уловил настроение агента.

— Ну! — требовательно произнес Макки.

Неужели Макки действительно просто хочет вывести его из себя, подумал Фурунео. Ну почему главная функция Бюро — тормозить деятельность правительства — сохраняет свою силу и во внутренних делах БюСаба, например в деле, касающемся этого вызова? Агентам вменялось в обязанность злить и выводить из себя правительственных чиновников, потому что гнев позволял выявить людей с неустойчивым характером, людей, неспособных контролировать эмоции и ясно мыслить в условиях психологического стресса. Но зачем так вести себя в ответ на важный вызов своего же товарища, сотрудника Бюро?

Некоторые из этих мыслей, видимо, просочились в передатчик, потому что Макки ответил на них, и в его голосе послышалась нескрываемая насмешка.

— У вас была масса времени, чтобы выбросить из головы этот вздор! — поддел он.

Фурунео вздрогнул и взял себя в руки, снова овладев своим «я». Да, он едва не утратил над ним контроль. Он чуть не потерял свое эго! Только резкое предостережение Макки привело его в чувство. Теперь он заново переосмыслил то, что сказал ему чрезвычайный агент. Дело не в том, что Фурунео прервал процедуру развода, ведь, если верить слухам, коротышка Макки был женат не меньше пятидесяти раз.

— Вас еще интересуется мячик калебана? — напомнил Макки Фурунео.

— Он внутри сферы?

— Вероятно, да.

— Вы этого не выяснили? — По тону чрезвычайного агента Фурунео понял, что ему была доверена деликатнейшая операция, которую он по своей врожденной тупости провалил.

Теперь, готовый к любой, даже невысказанной угрозе, Фурунео ответил:

— Я действовал согласно полученным приказам и инструкциям.

— Приказам и инструкциям! — издевательски произнес Макки.

— Сейчас мне следует разозлиться? — спросил Фурунео.

— Я прибуду к вам, как только смогу — самое позднее через восемь стандартных часов, — сказал Макки. — Сейчас ваш *приказ* заключается в неусыпном наблюдении за пляжным мячиком. Сотрудникам необходимо дать по дозе гневина. Это их единственная защита.

— Неусыпное наблюдение, — повторил Фурунео.

— Если появится калебан, то ваша задача любыми средствами задержать его.

— Задержать... калебана?

— Займите его беседой, предложите сотрудничество, делайте все, что угодно, — сказал Макки. Ментальные волны подсказали Фурунео, что тот считает странным напоминать агенту Бюро о его прямой обязанности — вставлять палки в колеса любым учреждениям и людям.

— Восемь часов, — произнес Фурунео.

— И не забудьте о гневине.